

**СОЦИАЛИЗАЦИЯ ЗЕМЛИ И КРЕСТЬЯНСТВО ЕЛЕЦКОГО УЕЗДА ОРЛОВСКОЙ
ГУБЕРНИИ В УСЛОВИЯХ АГРАРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В 1918 Г.**

**The socialization of the land and the peasantry of Eletsy district of the Orel province
in the conditions of agrarian transformations in 1918**

В. П. Николашин, кандидат исторических наук, старший преподаватель
Мичуринского государственного аграрного университета
(Тамбовская обл., г. Мичуринск, ул. Интернациональная, 101)

Рецензент: В. П. Мотревич, доктор исторических наук, профессор

Аннотация

В статье изучается процесс восприятия и реакция крестьянства Елецкого уезда Орловской губернии на реалии большевистских аграрных трансформаций 1918 г. За ширмой «уравнительности», провозглашенной «Основным законом о социализации земли», скрывался жесткий курс советской власти на принудительное кооперирование деревни под вывеской коммун и артелей, что входило в противоречие с вековыми стремлениями крестьян взять под контроль все сельскохозяйственные ресурсы и угодья. Опыт взаимоотношений власти и деревни в условиях социально-экономического и политического кризиса требует специального изучения.

Ключевые слова: крестьянство, социализация земли, коммуна, деревня, уравнительное распределение земли, реформы.

Summary

We study the process of perception and reaction of the peasantry of Eletsy district of the Orel province to the realities of the Bolshevik agrarian transformation in 1918. Behind the screen of «equalization», proclaimed in «The basic law of the socialization of the land», was hidden hardline course of Soviet authorities to the forced cooperation of village under communes and cooperatives that is in conflict with centuries-old aspirations of the peasants to take control of all agricultural land and resources. The experience of relations between the government and villages in terms of socio-economic and political crisis requires a special study.

Keywords: peasantry, socialization of the land, commune, village, egalitarian distribution of land, reforms.

«Основной закон о социализации земли» осуществил национализацию земли, развивая поземельные отношения в направлении расширения социалистического сектора. В данном нормативном акте за ширмой «уравнительности» срывался жесткий курс советской власти на принудительное кооперирование деревни под вывеской коммун и артелей, что входило в противоречие с вековыми стремлениями крестьян взять под контроль все сельскохозяйственные ресурсы. Данный конфликт интересов неминуемо вводил в конфронтацию большевиков-реформаторов и крестьянские общины. Решить проблемы аграрного сектора «сверху», отгораживаясь коммуникационной стеной от деревни, власть не могла. Осознавая это, большевики, в конце 1917 – начале 1918 г. намеренно ограничивали свое вмешательство в социально-экономические отношения деревни, полагая, что «крестьянство, опираясь на свой социалистический инстинкт, самостоятельно в рамках каждой местности решит аграрный вопрос, что в целом по стране приведет к социальному поравнению деревенских масс» [13: 88]. На фоне политического лавирования власти крестьянство, как наиболее массовая социальная

страта, выходило из вековой тени. Мнение деревни в условиях революционного хаоса становилось важнейшим аргументом в борьбе за власть.

Весной 1918 г. крестьянство вступило в активную борьбу за земельные ресурсы. В Елецком уезде конфискационное перераспределение земельного фонда приобрело массовый и радикальный характер. М. М. Пришвин в дневнике 18 апреля так описывает процесс распределения земли: «Вот земля... я еду... Делят. – Земля, а чья? – Божья! – А сторонники чьи? Драка» [10]. Поземельные конфликты, имевшие в повседневной практике пассивный характер, в условиях большевистских аграрных трансформаций принимали активные формы. В результате уравнительного распределения земли, проведенного властями, по всем волостям Елецкого уезда норма наделения составила 0,97 десятин земли на едока [2: д. 95, л. 17]. Фактически в волостях и селах душевая норма наделения землей не соответствовала среднеуездным показателям. Так, в деревне Денисовой Чернавской волости на едока приходилось 2 252 квадратных сажени [3: д. 54, л. 31]. Подобные статистические коллизии происходили по целому ряду причин: от ошибок и недоработок властей до внутريدеревенской борьбы. М. М. Пришвин 1 июня 1918 г. в своем дневнике приводил следующие оценки результатов уравнительного распределения земли в Елецком уезде крестьянами: «Кто выгадал? Много-семейный, бездельник, кто шатался по городам и земли не понимает, получил сразу на всю семью, шелюган последний – много ли таких? Человек десять на все общество» [10]. И действительно, после уравнительного передела зажиточные слои, зачастую представлявшие мощные товарные крестьянские хозяйства, сократили площади запашек, наделы середняков увеличивались незначительно. Прирезку получили только безземельные и малоземельные крестьяне.

Земельный «голод» мобилизовывал деревенские захватные настроения, толкал общины на удержание под своим контролем местных природных ресурсов. Этому способствовала мысль о «поравнении земли», которая циркулировала в крестьянской среде издавна, как отмечает А. Н. Энгельгардт, «без всякой посторонней пропаганды» [14: 536]. В 1917 г. идея о «черном переделе» выкристаллизовалась в сознании деревни в идею социализации земли. На ее фундаменте в 1918 г. крестьянские обычно-правовые устремления стали приобретать реальные очертания. Как отмечает И. В. Кочетков, «при отсутствии официально установленных границ землепользования все земли в глазах крестьян делились на “свои” – их нужно было защищать от посягательств со стороны соседей – и “ничьи”, которые можно было захватывать по мере сил и возможностей» [6: 516]. Подобные крестьянские настроения иллюстрирует следующий факт: весной 1918 г. Хмелинское общество захватило 168 десятин церковных земель и попыталось сдать их в аренду [3: д. 10, л. 2]. Стяжательство деревни объяснялось тем, что благосостояние каждого, за редким исключением, двора базировалось на землеобеспеченности.

Хлебопашцы Елецкого уезда использовали различные инструменты в борьбе за землю с соседними общинами и волостями. Так, представители Ламской волости просили увеличить норму наделения с 1 десятины 212 сажен до 1 900 квадратных сажен. Как отмечено в протоколе общего собрания волости от 15 апреля 1918 г., осуществить это предполагалось за счет соседней Рогатовской волости [3: д. 11, л. 21]. Захватные настроения становились нормой в условиях большевистских аграрных трансформаций. При этом каждый крестьянский двор и община стремились увеличить свое благосостояние, обходя бюрократические перегородки. Как отмечает В.М. Чернов, «личный характер права на землю давал лишь мерило для определения земельной сферы действия, на которую любой “двор” нормально имеет право. Но в дальнейшем крестьянскому двору предоставлялась широкая свобода утилизации

своих личных сил, своей площади землепользования и определения своих взаимоотношений с соседями» [12: 449].

Особенно остро шла поземельная борьба общины с «чужаками»: хуторянами, отрубняками, с бывшими частновладельцами, а также с церковью и монастырями. Крестьяне стремились вытеснить вчерашних земельных собственников за пределы деревни и завладеть их ресурсами. Как отмечалось в заявлении от 22 июня 1918 г., крестьяне Сергиевской волости заняли землю на хуторе Суры Феоклста Федоровича Волобуева, бросив свою менее плодородную и необработанную землю [3: д. 1, л. 3]. Земельные притязания крестьян обычно распространялись на ближайшие угодья. Наделы, располагавшиеся более чем за 7–10 верст, мало интересовали деревню. Дальнеземелье создавало значительные издержки в готовой продукции даже крепких крестьянских хозяйств.

Вытеснение чужаков производилось поступательно. Первым шагом общин в этой борьбе становилась отрезка большей части земли у «чужаков», вторым – их окончательное выселение. В протоколе Елецкой уездной конфликтной комиссии от 13 сентября 1918 г. сообщается о конфликте братьев Пашиных с обществом деревни Лысовки Дрезгаловской волости. Вначале крестьяне выделили землю бывшим частновладельцам по уравнительной норме, но затем решили отобрать у них две надельные десятины [3: д. 117, л. 81]. Используя слабость властей на местах, крестьянские общины расширяли свое землепользование, преступая нормы аграрного большевистского законодательства.

Активную борьбу за безвозмездное отчуждение помещичьей земли елецкое крестьянство начало весной 1918 г. Так, бывшего помещика Сидельникова, усадьба которого располагалась в Чернавской волости, крестьяне выгнали из имения [3: д. 120, л. 26]. Выселению и погромам подверглись и другие крупные землевладельцы Елецкого уезда. В итоге 22 апреля 1918 г., как отмечал в дневнике М. М. Пришвин, «в городе живут <...> почти все помещики» [10].

Давление крестьян на вчерашних хозяев деревенской жизни в большинстве случаев сопровождалось безнравственными поступками и жестокостью. «Убийства и акты вандализм <...> рассматривались современниками, отчасти обоснованно, как символ восстания против господской культуры, которая выросла из пота и крови крестьян» [1: 26]. «Жестокий зверь» в душе народа был результатом холодного расчета крестьянства. Он просыпался с одной целью – «выкурить» благородное сословие из фамильных имений.

Акты насилия при выселении помещиков, погромные действия перемежались гуманными актами. Как отмечает в дневнике 29 января 1919 г. М. М. Пришвин, «помещица Красовская, вся истерзанная, голодная, с озлобленным лицом явилась в деревню, откуда ее выгнали, и мужики ее не то, что накормили, а завалили пищей, и теперь уже, несмотря на все прежние распоряжения о выселении помещицы, поселили ее в своей деревне» [10]. Несмотря на культурную отсталость и «темноту», крестьянство сохраняло в своей среде морально-нравственные качества и сострадание к потенциально недружественным представителям других социальных страт. Однако гуманные механизмы деревни включала только в том случае, если они не противоречили ее экономическим интересам.

По отношению к внешнему миру каждая община, волость выступала самостоятельной единицей, считавшей полной своей собственностью все земельные ресурсы, находившееся в ее пределах. Благодаря местному сепаратизму помещичьи и казенные земли захватывались, как правило, только близлежащими селами. Внутри деревни юридические отношения были пропитаны прагматизмом и жадной наживы. Динамика уравнительных переделов инициировала земельные споры между селениями и волостями, которые распались на «довольных» и «недовольных» [12: 448]. Так, несколько месяцев шел конфликт между селами Суворовка

и Суворово-Высельское. Часть отведенных земель находилось за рекой Сосной, которую трудно было обрабатывать из-за разливов и плохого состояния моста. Кроме того, почва в данном наделе была песчаной, низкоплодородной, тогда как почва возле деревень Суворовка и Суворово-Высельское была черноземной [3: д. 117, л. 119]. Разница в качестве земли вызывала яростную борьбу местных общин. Непримируемость конфликтующих сторон привела к тому, что власти предлагали тянуть жребий. Правовые притязания обеих сторон продемонстрировали значительные недоработки в новом аграрном законодательстве.

Механика борьбы в елецкой деревне, по-видимому, была понятна местным властям, но трактовалась в угоду политике центра и преследовала узкие интересы большевиков в деревне. В воззвании Елецкого уездного комиссариата земледелия, опубликованном в июне 1918 г., отмечался массовый характер «трений» между общинами и волостями. По мнению местных властей, конфликты возникали в большинстве случаев под влиянием «контрреволюционеров и богатых людей, они затрачивают большие деньги для того, чтобы бедное крестьянство порезалось между собой, а после этого земля достанется им» [6: 516]. Так, елецкие власти в первопричинами и природой аграрного конфликта видели влияние зажиточного слоя деревни.

С приходом страды социальная напряженность в деревне возросла. Объектом крестьянской «атаки» стали «ничьи» земли. С данной категорией угодий елецкие хлебопашцы увозили лес, сено, хлеб и т. д. Так, в июле 1918 г. жители деревни Поповка Дрезгаловской волости препятствовали уборке урожая граждане села Суворовка Суворовской волости, несмотря на то что последние снимали в аренду эту землю у своих соседей [3: д. 94, л. 39]. То же общество села Суворовка убрало хлеб с полей, засеянных гражданами села Талица Дрезгаловской волости. Однако, как отмечается в протоколе конфликтной комиссии от 9 октября 1918 г., крестьяне села Суворовка признали свою вину и согласились вернуть 24 копен хлеба, 10 копен проса, 15 возов картофеля [3: д. 94, л. 118]. В условиях острого малоземелья елецкие крестьяне осознанно шли на захват угодий, пригодных для ведения аграрного производства, в том числе и зоны отчуждения железных дорог. Как отмечается в письме руководства Юго-Восточной железной дороги к Елецкому комиссариату земледелия от 24 сентября 1918 г., «крестьяне села Товолжанин самовольно захватили земли на 288 версте Орлово-Грязинской линии» [3: д. 117, л. 109]. В горячке предельной эпидемии крестьяне после помещичьих, казенных, монастырских, церковных земель обратили взоры на своих соседей, односельчан.

Наиболее остро происходили переделы земельного фонда в уездах, где скапливалось больше «посторонних», «чужих» для общины людей. Столь жесткая позиция общин объяснялась нежеланием крестьян выделять землю, так как последние справедливо предполагали, что чужаки будут претендовать на долю в дефицитной надельной норме. В инструкции, выработанной комиссией для решения конфликтных дел в Елецком уезде и утвержденной 30 мая 1918 г., отмечалось, что «право на распределение имели как <...> присутствующие, так и <...> отсутствующие члены общины. Земли отсутствующих передавались в запасной фонд, из которого временно наделялись малодушные семьи. Возвратившись на прежнее место жительства, отсутствовавшие должны были получать земли после уплаты стоимости обработки тем, кто ранее возделывал данный надел» [3: д. 31, л. 29]. Возможность получить законным путем надел земли санкционировал масштабный поток «отсутствовавших» в деревню. Так, за весенне-летний период 1918 г. в волостях Елецкого уезда численность населения увеличилось на 1 650 человек [3: д. 27, л. 42].

Деревня вполне эффективно блокировала массовое наделение землей «чужаков». В их число деревенский мир включал как коренных представителей города, так и сельских

мигрантов. Так, Елецкий комиссариат земледелия 23 мая 1918 г. предписывал Чернавскому земельному отделу «сделать распоряжение, чтобы общество деревни Курдюков приняло гражданина Михаила Никитьевича Пашкова в общую земельную статистику для получения земли, <...> где проживал раньше» [3: д. 120, л. 8].

Если коренные представители города, переселенцы были просто чужды деревне, то вечерашние члены общин, «летуны», были нежеланными «едоками» вдвойне. С одной стороны, «летуны» претендовали на часть распределяемого земельного фонда, с другой – пребывание в городе меняло ценностные установки, менталитет, манеры поведения, потребительские вкусы крестьян и тем самым отдаляло их от деревни, делало малоэффективными в рутинном аграрном труде. «Нахлебники» малоземельной общине были не нужны.

Для ограничения массового наплыва «чужаков» деревня включала различные механизмы пассивного сопротивления, в том числе используя противоречия и неточности советских нормативных актов. В ряде случаев при разрешении внутриобщинных конфликтов по наделению землей «чужаков» приходилось вмешиваться местным органам власти, уточняя и «по-большевистски» трактуя законы. Так, 31 мая 1918 г. уездный комиссариат обратился к Чернавскому земельному отделу с требованием наделить землей граждан деревни Ослановой А. С. Ененкову и ее дочь «без всякого препятствования» [3: д. 120, л. 13]. Навязываемая административным образом уравнилельно-передельная механика входила в противоречие с традиционным пониманием крестьянами деревенских реалий и принципов ведения земледелия. Большевицкая аграрная альтернатива грозила подрывом административной и экономической власти общины, угрожая тем самым изменить привычный, устоявшийся деревенский порядок. Крестьянин-прагматик был против ломки вековых аграрных устоев, на которых базировалось его благосостояние.

Избыточные ожидания крестьян по превращению послереволюционной деревни в область, свободную от агентов власти, не оправдались. Не оправдались и надежды властей на рациональность и самоорганизующую силу деревни в сфере уравнилельного распределения земли. Как отмечает Т. В. Шатковская, «представленная советской властью крестьянству возможность реализовать обычно-правовые идеалы на практике в конце 1917 – начале 1918 г. отчетливо продемонстрировала эклектичность крестьянского правосознания и несоответствие мелкособственнических и местничковых устремлений общинников планам молодого социалистического государства» [13: 92].

В авангарде большевицкого наступления на деревню находились коммуны и артели. Крестьяне, проживавшие по соседству с коллективными хозяйствами, питали к ним двойные чувства. Воспринимали их вполне дружелюбно в тех случаях, когда коллективное хозяйство приносило им пользу: имело кузницу, помогало семенами. Если же для обработки полей соседнего коллективного хозяйства требовались их собственные лошади и инвентарь или, того хуже, приходилось нести трудовую повинность, то воспринимались враждебно. Данный тезис подтверждают оценки коммун елецкими крестьянами, приведенные в дневнике М. М. Пришвиным 13 декабря: «Коммуна, я так понимаю, есть армия против врага – голода, но почему же в коммуне еще голоднее стало и нет ситцу и всего прочего? – Потому что воры» [10]. Однако не только антиколхозные настроения приводили в действие инструменты крестьянского сопротивления. В ряде случаев на передний план выдвигались проблемы социально-экономического характера. В частности, Стрелецкой коммуне было отведено 766 десятин [5: 82], тем самым землеобеспеченность соседних общин была значительно ограничена. Подобные аграрные метаморфозы увеличивали социальное напряжение в деревне. Так, малоземельное Колосовское общество Дрезгаловской волости 21 ноября 1918 г.

постановило ходатайствовать перед комиссариатом земледелия о прирезке земли от соседней коммуны, так как полученная земля была разбросана в семнадцати местах [3: д. 60, л. 24]. Большевики сознательно шли на «искривление» идеи социализации земли, несмотря на ее абсолютную поддержку среди крестьянства. Это было первым шагом на этом пути расширения обобщественного сектора.

Несмотря на широкое недовольство деревни аграрной политикой власти, основную массу членов коммун и артелей составляло крестьянство. В елецкой деревне основными «причинами, толкавшими вчерашних крестьян, солдат и мещан в члены коллективных хозяйств, были “малоземелье, разруха хозяйства, произведенная война”» [9: 157]. Безземельные и малоземельные крестьяне вступали в коммуны с иждивенческими настроениями, тем самым оказывая негативное влияние на дисциплину труда.

Попытка превратить крестьянина в наемного работника встретила внутриобщинные ограничения, сформированные вековым деревенским укладом и частнособственническим менталитетом. Как отмечает А. Грациози, «ненависть крестьян к большевистским коммунам была действительно столь острой, что сам термин “коммуния” оказался вычеркнут из общепринятого политического языка» [4: 27]. «Работа на чужого дядю» не устраивала елецкую деревню. Ожидания власти превратить коммуны в проводники идейного, организационного и воспитательного влияния на крестьянство в полном масштабе так и не оправдались.

Осенью началась активная фаза похода города на деревню. Одним из инструментов утверждения советской власти стали комбеды. Новые структуры власти становились проводниками советской аграрной политики и должны были «разрушить единство сельского мира, играя на внутренних разногласиях, временно существовавших, хотя и не носивших классового характера» [4: 19]. В ряде случаев из-за «засилья» «кулаков» в советах данные органы советской власти упразднялись, а их функции передавались комитетам бедноты. Такие факты имели место и в Елецком уезде [7: 76]. Справедливое негодование крестьянства, которое было вызвано деятельностью комбедов, вынудило власть уже в конце 1918 г. отказаться от данного дублирующего органа местной власти.

Попытки давления большевиков на деревню встречали недовольство в крестьянской среде. Особенно жесткие оценки елецкий хлебопашец давал деятельности местных большевиков: «Какие это большевики, это наши мошенники. Я думаю, что общенародная оценка существующей власти такая: они наверху там хотят настоящего добра народу, но внизу власть захватывает разбойник» [10]. Подобная достаточно либеральная реакция елецких хлебопашцев на действия Центральных властей и обострение внутридеревенских противоречий уже через несколько месяцев приобрела ярко-радикальную, оппозиционную окраску.

Летом 1918 г. протестные настроения крестьянства и социально-экономические искривления начали материализовываться в сокращении общинных запасов и посевов. Например, в Чернавской волости ко 2 августу 1918 г. не было засеяно 400 десятин [3: д. 117, л. 32]. Кроме того, елецкие крестьяне начали жать хлеб еще до его полного вызревания. Это происходило на «спорных» полях, которые засеивались одним обществом, а обрабатывались другим. Неустойчивость поземельных отношений отражалась в ухудшении обработки земли, переходе от посевов товарных культур к нетоварным. Местные власти вынуждены были включить юридические механизмы ограничения аграрной деградации. В телефонограмме от 5 июля 1918 г. Елецкого комиссариата земледелия ко всем волостным земельным отделам отмечалось, что «хлеба как озимые, так и яровые, не должны коситься до полного вызревания их» [3: д. 94, л. 20]. Кроме того, власти прибегли к административным мерам, назначив штраф в 25 рублей с каждой незасеянной десятины. Таким образом, свертывание аграрного

производства в елецкой деревне объяснялось целым комплексом причин, сконцентрированных в деревенских реалиях 1918 г., где малоземелье и прагматизм крестьянства вели к горячке «дележа» и борьбе за землю.

Как «земля» без «воли», так и «воля» без «земли» не устраивала крестьянство. Социализация земли, которая воспринималась деревней как «черный передел», должна была дать эти вожделенные «полноту владения и распоряжения всей сельскохозяйственной землей в стране при минимальном участии государства в делах деревни» [2: 28]. В результате уравнительного передела, по меткому выражению М. М. Пришвина, «деревня сидела на чужих наделах» [10]. В воззвании Елецкого уездного комиссариата земледелия, опубликованном в июне 1918 г., отмечалась, что «весенний передел земли показал неподготовленность населения к проведению земельной реформы в жизнь» [10]. Деревня по-прежнему оставалась в «тисках» крестьянской общины, и старые уравнительные механизмы не могли удовлетворить ее земельную жажду. Как отмечает М. М. Пришвин в своем дневнике 17 мая, крестьяне «бросились на землю – переделали – земли не прибавилось. Стали хлеб сеять – хлеб отбирали. Стали возить, продавать награбленное – “керенки” заработали – это бумага. Тогда все зарыли в землю» [10]. Поземельный конфликт перетекал в продовольственный кризис. Разрубать деревенский гордиев узел, по мнению большевиков, должны были продотряды и комбеды.

С 1918 г. вновь, как и до 1861 г., начал применяться принудительный труд.

При этом ключевой причиной крестьянского недовольства оставались насильственные хлебозаготовительные мероприятия. Только из Воронежской волости в ноябре 1918 г. продотрядом товарища Середы было вывезено хлеба с озимого посева 1918 г. 52 910 пудов с 811 десятин [3: д. 93, л. 6], из Краснополянской волости в феврале 1919 г. было вывезено 39 354 пуда из убранный озимый посев с 577 десятин [3: д. 93, л. 29]. Крестьянство осознавало, что руководство страны рассматривало деревню в качестве источника ресурсов для города. Поэтому, оказавшись под чудовищным административным прессом, деревня вынуждена была использовать весь спектр механизмов активного и пассивного сопротивления в борьбе с властью за свои права.

В 1919 г. к продразверстке присовокупились тяжелые для крестьян гужевая и повозочная повинности по перевозке войск и эвакуации армейского имущества в период полевых работ. Это вызвало локальные выступления елецкого крестьянства. В сентябре–октябре 1919 г. стали разворачиваться масштабные крестьянские восстания антиразверсточного характера. Энергичная попытка власти «вновь навязать присутствие государства только что освободившемуся от него крестьянству» [4: 18] привела к росту аграрного движения. Если стихия крестьянского протеста и была способна разрушить старый порядок, то она «не была в состоянии организоваться политически» [1: 26], так как была распыленной, нецентрализованной «системой».

Крестьянский вопрос в Елецком уезде, как и в других регионах Черноземья, не был разрешен в 1918–1919 гг. Новый аграрный правовой строй менял традиционный деревенский уклад и психологию крестьянского труда. Военно-коммунистические установки «Основного закона о социализации земли» углубляли противоречия и сложности аграрного производства, разрушали вековые общинные устои. Внутри общины «распадались ранее более сложные в правовом отношении связи» [1: 27]. Сельское хозяйство, не получив мощного модернизационного импульса, превращалось в поставщика ресурсов для города. Крестьянство, оказавшееся под гнетом советской власти, включило механизмы сопротивления. Социалистическая утопия с продотрядами и коммунами контрастировала с крестьянскими представлениями о «земле и воле».

Библиографический список

1. *Байрау Д.* Янус в лаптях: крестьяне в русской революции, 1905–1917 гг. // Вопросы истории. 1991. № 1. С. 19–30.
2. *Бабашкин В. В.* Россия в 1902–1935 гг. как аграрное общество: закономерности и особенности отечественной модернизации : автореф. дис. ... докт. ист. наук. С. 38.
3. Государственный архив Липецкой области (ГАЛО) Ф. Р-150. Оп. 1.
4. *Грациози А.* Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне, 1917–1933. М. : Российская политическая энциклопедия, 2001. 96 с.
5. *Долгополов А. Г.* Организация и деятельность коллективных хозяйств в первые годы советской власти // История СССР. 1959. № 5. С. 80–97.
6. *Кочетков И. В.* Власть, общество и реформы в России (XVI – начало XX вв.) : материалы научно-теоретической конференции 8–10 декабря 2003 г. Спб., 2004. С. 510–526.
7. *Кузнецова Л. М.* Крестьянство в первые десятилетия советской власти. 1917–1927. М. : Наука, 1986. Т. 1. 456 с.
8. *Литошенко Л. Н.* Социализация земли в России. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2001. 536 с.
9. *Николашин В. П.* Организация и деятельность коллективных хозяйств в Елецком уезде Орловской губернии в 1918–1919 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 3 (29). С. 156–159.
10. *Пришвин М. М.* Дневники. 1918 // Universitas personarum [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://uni-persona.srcc.msu.ru/site/authors/prishvin/pri-1918.htm>
11. *Пришвин М. М.* Собрание сочинений в 8 т. М., 1986. Т. 8. Дневники. 1905–1954. 759 с.
12. *Чернов В. М.* Конструктивный социализм. М. : РОССПЭН, 1997. 670 с.
13. *Шатковская Т. В.* Место обычного права в регулировании земельных отношений в первые годы советской власти // Юристъ – Правоведь. 2008. № 3. С. 87–92.
14. *Энгельгардт А. Н.* Из деревни: 12 писем. 1872–1887. М. : Мысль, 1987. 636 с.